

ISSN 0132-7496

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
Вып. 34

ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ: АЛЬМАНАХ

ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ: АЛЬМАНАХ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Геологический институт Российской академии наук

**ИСТОРИЯ
ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ:
АЛЬМАНАХ**

Очерки по истории геологических знаний

Выпуск 34

(Серия основана в 1953 г. в ИГН АН СССР)

Москва
ГЕОС
2024

УДК 550.9
ББК 26.323

Ответственные редакторы:
член-корреспондент РАН *Н.Б. Кузнецов, И.Г. Малахова*

Редакционная коллегия:
К.Е. Дегтярёв (главный редактор),
Н.Б. Кузнецов (заместитель главного редактора),
Г.Н. Александрова (ответственный секретарь),
Ю.О. Гаврилов, А.Б. Герман, В.Ю. Лаврушин, Б.Г. Покровский, М.А. Рогов,
С.Д. Соколов, С.Ю. Соколов, М.И. Тучкова, М.А. Фегонкин,
М.Д. Хуторской, Н.П. Чамов

Очерки по истории геологических знаний / Ин-т геол. наук АН СССР, Геол. ин-т АН СССР, РАН. — М.: Изд-во АН СССР, 1953—1963; М.: Наука, 1971—2006; СПб: ВСЕГЕИ, 1994—1995; М.: ГЕОС, 2022—2024. — ISSN 0132-7496

Вып. № 34. История Геологического института РАН в документах и воспоминаниях: Альманах / Ответственные редакторы *Н.Б. Кузнецов, И.Г. Малахова*; Составитель и автор комментариев *И.Г. Малахова*. М.: ГЕОС, 2024. 240 с.

Обработка фотоматериалов — *И.П. Второв*

ISBN 978-5-89118-888-4

DOI: 10.34756/GEOS.2024.17.38814

В сборник вошли редкие документы, связанные с научной деятельностью Геологического института Российской академии наук, мемуарные очерки и проза его сотрудников. В этом старейшем академическом институте страны работали и работают немало выдающихся ученых. Датированные разными годами предлагаемые читателям материалы дают возможность не только ощутить атмосферу творческого процесса в научном сообществе Геологического института на отдельных этапах его истории, но и раскрыть многогранность талантливых учёных. Значительная часть документов и произведений, входящих в альманах, публикуется впервые.

© ГИН РАН, 2024

© ГЕОС, 2024

В.А. Захаров

Первый опыт пребывания советского человека в буржуазной стране

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино— печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.*

А.С. Пушкин. Элегия

В июле 1977 г. в знаменитый на всю советскую страну новосибирский Академгородок съехались учёные-палеонтологи из университетов Западной и Восточной Европы и научных центров Советского Союза. Здесь было решено провести заключительное заседание Международного коллоквиума по верхней юре и границе юры и мела. Прибывшим из-за рубежа специалистам была предоставлена возможность предварительно посетить Ленинград, Ульяновск, а затем и Тюмень, чтобы ознакомиться с коллекциями различных групп ископаемых организмов в музеях и с разрезами осадочных пород, обнажающихся на берегах р. Волги и реках восточного склона Приполярного Урала. Основное внимание участников должно было быть сосредоточено на выборе пограничного интервала между юрской и меловой системами (Международный коллоквиум., 1977).

Для заседаний участникам коллоквиума был выделен лучший в Академгородке конференцзал Дома Учёных Сибирского отделения АН СССР. Докладчикам была предоставлена обширная сцена со стендами, на которых развешивалась демонстрационная графика. Другого способа оперативного сопровождения докладов иллюстрациями в то время не существовало. Мой доклад «Опыт зонального расчленения бореальных верхнеюрских и нижнемеловых отложений по бухиям» последовал за выступлением В.А. Вахрамеева, посвященного флорам Сибирской палеофлористической области на границе юрского и мелового периодов.

В качестве иллюстрации я вывесил огромный плакат, склеенный из нескольких крупных полотен ватмана, на которых были зафиксированы 12 колонок с последовательностями зон по бухиям — от авторской стандартной по Северной Сибири, примыкавшей к шкале по бореальным аммонитам от келловей и до готерива, и последовательных территорий от Восточно-Европейской равнины и далее к востоку до Северо-Востока Азии, островов Арктики, Дальнего Востока и Приморья, Арктической Канады, Гренландии, Северо-Востока Британской Колумбии, Западной Канады, северо-западной части штата Вашингтон, Северной Калифорнии и Аляски. Весь 20-минутный доклад состоял из объяснения того, что предложенные бухиазоны, как я считаю, являются довольно надёжной основой для относительно детальной циркумбореальной корреляции указанных на плакате разрезов в стратиграфическом интервале от келловей до нижнего готерива. Ответив на немногочисленные вопросы, я свернул рулон и спустился в зал. Вдруг навстречу мне с портфелем в одной руке и каким-то свёртком в другой, энергично пробираясь между рядами кресел, выскочил (трудно подобрать другое определение его движению) В.В. Меннер. Переложив содержимое в одну руку, он пожал мою и столь же решительно «выплеснул»: «Батенька, это же докторская!». Мои пояснения намеченных на завершение работы планов он даже не стал обсуждать и рекомендовал посоветоваться с В.Н. Саксом — заведующим нашей лабораторией.

Далее события развивались очень быстро. Поскольку В.Н. Сакс был в курсе моих результатов в работе над докторской диссертацией по роду *Vuchia*, то предложенная В.В. Меннером идея ускорить защиту ему пришлось по душе. Б.С. Соколов, мнение которого как заведующего отделом стратиграфии ИГиГ также было важным, нас тоже поддержал, сославшись на сходную ситуацию: успешной защите докторской диссертации по единственному роду *Productus* (палеозойских брахиопод) в Палеонтологическом институте АН СССР в Москве. С этого момента и до защиты диссертации ушло полтора года довольно напряжённой работы. Учёная степень доктора геолого-минералогических наук решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР была присуждена 27 июля 1979 г. Это событие накануне командирования меня в Данию имело, возможно, решающее значение.

Описанные благоприятные для меня события развивались на фоне иных, к сожалению, драматических. Они были связаны с недомоганием В.Н. Сакса, с которым мы вернулись в конце августа из Хабаровска с Международного совещания по Тихоокеанскому кольцу. Ситуация, связанная со стремительным развитием болезни В.Н. Сакса, описана мною в иных воспоминаниях, к которым я отсылаю читателя, поскольку

невозможно многократно разрывать душу по безвременно ушедшему из жизни учителю и другу (Захаров, 2001).

Я вернулся к этим событиям спустя 43 года после возвращения из Дании, проживая уже не в советской, а в совершенно иной стране, о которой трудно сказать что-то определённое. Так что мои воспоминания, возможно, будут иметь для нового поколения лишь исторический интерес. Для меня настоящая жизнь устроена совершенно по-другому. Однако я буду описывать ее такой, какой прожил.

Дорога в Копенгаген

Итак, мой вылет в Данию целиком был организован службами АН СССР. А это означало, что мне не пришлось оформлять визу в страну капитализма, покупать авиабилет, обменивать рубли на кроны и пр. Все эти операции выполнил Отдел управления внешними сношениями АН СССР в лице куратора Николая Михайловича Титова, любезно выдавшего мне не только свой служебный, но даже домашний телефон. Я ему позвонил 2 октября перед вылетом из Шереметьево, устроившись в туристическом салоне на 40 пассажиров самолета ИЛ-62.

В аэропорту Копенгагена меня встречал куратор Посольства СССР в Дании — второй секретарь А.Н. Крайнов, который отвез геолога Захарова в Университет Копенгагена. Так что наши службы как бы сдали меня «с рук на руки». Секретарь кафедры исторической геологии Карен Нильсен проводила в квартиру на четвёртом этаже: две спальных комнаты, столовая, ванна, туалет, душ. Не жизнь, а малина!

В течение первых дней пребывания в Копенгагене я получил пропуск для входа в Посольство (для контактов с его кадрами) и в Торгпредство (для покупок дешёвых продуктов питания и товаров в магазине при Посольстве). Из посольских чаще всего приходилось общаться с Толей Крайновым, который по существу выполнял функции шофёра и доставлял меня в указанные места в городе. Проблемы связи с преподавателями Университета, и сотрудниками Геологического института и музея решались на уровне первого секретаря по науке и культуре Е.Л. Моторова, с которым сразу возникли доверительные отношения. Именно через него передавались мои предложения по установлению научных связей с геологами, работавшими в экспедициях на побережье Восточной Гренландии и прибрежных островах. В какой-то мере загадочной и, как мне казалось, влиятельной фигурой выступал М.П. Люби-

мов, который на первом же приёме в Посольстве любезно познакомил меня с супругой Тамарой (совпали имена наших жён!). Насколько я мог предполагать, более всего его занимали связи с гражданами Дании, влиявшими на принятие решений. Здесь я ему мало чем мог быть полезен. Лишь спустя 40 лет мне стало известно, что М.П. Любимов — полковник внешней разведки в отставке, который владеет английским, шведским и датским языками. Любителям детективных романов он известен как их автор.

На одном из приёмов в Посольстве состоялось знакомство с парой Сеглиных: Борисом Сергеевичем и Лидией Сергеевной. Мне показалось, что они были представителями советского Торгпредства. Такой довольно шаткий вывод я сделал после короткой встречи с Б.С. Сеглиным в магазине Торгпредства, где продавщица весьма любезно его приветствовала. Последняя перед отъездом из Дании встреча с супругами Сеглиными неожиданно произошла 2 декабря при посещении Музея кораблей викингов в Роскилле. Завершая совместный круиз по музею, а затем по церкви-усыпальнице королей в готическом здании 15 в., мы с Ф. Рёглем, микропалеонтологом из Вены, были доставлены домой в машине Б.С. Сеглина (о нашем пребывании в Роскилле см. в очерке о Ф. Рёгле).

Моя работа – её задачи и цели

Моя работа, связанная с ежедневным и чаще довольно однообразным «общением» с окаменелостями, вряд ли заинтригует читателя. Те нечастые сцены «жёстких» дискуссий, как правило, касались ближайшего «друга-соавтора» Ф. Сурлика. Они описаны в посвящённом ему очерке. Помимо научных и «служебных» дел мне приходилось общаться со многими случайными фигурами — такими, как прибывшими в Данию научными сотрудниками разных академических учреждений СССР, неожиданно появившимися в посольском кинотеатре. Например, жителями из Академгородка (Новосибирск) Владимиром и Леной Зелевинскими из Института ядерной физики, проживавшими, как и я, в Академгородке на улице Ильича; работающими по обмену в Институте Бора¹ физиками: Игорем Мишустиным (вот совпадение с нынешним премьер-министром!) и Михаилом Жуковым из московского Института

¹ Институт Нильса Бора в Копенгагене. Основан в 1920 г. — Прим. И.М.

атомной энергии; работающим в Институте Бора (и тоже по обмену) Виктором Овчаренко из Киева. И это только «навскидку»! С перечисленными людьми я периодически встречался и приглашал к себе на квартиру выпить, закусить, поговорить. Иногда мы вместе посещали музеи. Ну и нередко встречались в кинотеатре Посольства СССР. Не помню точно, но, вероятно, в Геологическом музее Университета Копенгагена я познакомился с парой из Чехии — супругами Эмилем и Милотой Маковски, работавшими в Институте минералогии в Копенгагене. Как-то мне довелось возвращаться из кинотеатра с Димитрием, работавшим в подмосковной Черногоровке. К сожалению, эта встреча оказалась единственной.

Вспоминаются краткие беседы с этими и другими, как правило, молодыми советскими специалистами, работавшими за рубежом, что казалось таким естественным, и это было то, что мы при новой власти навсегда потеряли в результате «экспериментов» с народом страны.

Выше я уже упоминал о кратких встречах с молодыми физиками, работавшими в Копенгагене в знаменитом институте Бора. Ими были Игорь Мишустин и Миша Жуков. В Москве они работали в Институте атомной энергии. Мечтал с ними встретиться поближе, да все было недосуг. Наконец я договорился с Виктором Бондаренко привести в мою квартиру Игоря и Мишу в воскресенье 1 ноября во второй половине дня. К этой встрече я готовился заранее, поэтому она удалась. Беседа получилась непринуждённой, обсуждалось всё: от науки до быта. Разошлись около 23.00. Гостей поразило здание — от огромного многоэтажного холла до расположения квартиры. Ребята сравнили дом с жилищем, описанным Стругацкими в книгах «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке». Я же в первые дни, точнее по вечерам, долгое время не мог привыкнуть к электрическому освещению коридоров, по которым мне приходилось достигать квартиры, расположенной на четвёртом этаже без лифта, который в здании выключали уже в сумерках. Включатели лампочек, к счастью, светились, но до них надо было добраться, минуя ошутимое расстояние. Приходилось чуть ли не бежать вдоль длинного коридора, поскольку освещение гасло до того, как мне удавалось добраться до следующего включателя. К этому порядку со временем удалось приспособиться.

Помимо разнообразных дел с фоссилиями приходилось и «за собой ухаживать». Каждое утро я уделял время гимнастике. Этот приём стимулировал бодрость всего организма и, как представляется, повышал эффективность работы с коллекциями, способствовал осмыслению материала, вдохновлял на более глубокую его проработку и перспективу анализа конкретных направлений мысли и прочее по мелочам.

Косметическая ежедневная уборка квартиры раз в неделю сопровождалась более основательной чисткой раковин, душа, протиркой пола, помывкой личного и постельного белья. В случаях приглашений гостей приходилось что-то наскоро готовить, скорее даже разогревать готовое. Понятно, что чистка посуды тоже падала на «хозяина» квартиры. Всё это описано мною для «демонстрации занятости».

Несмотря на то, что к концу дня не всегда хватало сил для заполнения дневника, все же приходилось что-то из себя «выжимать». Читателю дневника нетрудно заметить, что качество ежедневных описаний не всегда сохраняется «на высоте». Прошу извинить. Ведь помимо бытовых описаний по вечерам приходилось знакомиться с научной литературой 19 – 20 вв., ну и кое-что читать из художественной литературы. Например, «Блокаду» А.Б. Чаковского, воспоминания И.Г. Эренбурга, «Острова в океане» Э. Хемингуэя. Просматривал газеты и научные статьи, например, публикации канадца Ю.А. Елецкого — бывшего нашего гражданина, работавшего в Харькове перед войной.

Довольно активно по вечерам работал «Дом датско-советской дружбы». Насколько помню, я не часто посещал коллективные мероприятия. Запомнился приезд 3 ноября (в субботу) киргизских артистов, концерт которых сопровождался энергичными песнями и плясками.

Надежды и реальность

При описании моих взаимоотношений с работавшими постоянно или временно специалистами в Геологическом институте Университета Копенгагена из разных стран всегда сохранялся интерес не столько к порядкам, царившим в СССР при коммунистах, сколько о возможности дальнейшего расширения контактов по наукам о Земле. Об этих намерениях я постоянно делился с сотрудниками Посольства СССР в Дании. Прежде всего, с первым секретарем по науке и искусству при Посольстве Е.Л. Моторовым. И надо отдать ему должное, у нас сложилось взаимное доверие в отношении полезности перспективных контактов с зарубежными коллегами и прежде всего с датчанами. В этом направлении события развивались весьма благоприятно. В особенности после встречи Е.Л. Моторова с Туве Биркелунд 5 декабря, когда были согласованы все стороны сотрудничества — от совместных полевых работ в Гренландии и на севере Сибири и до публикаций коллективных результатов. Драматическая сторона развития событий описана

мною в заключительной части очерка, посвящённого Т. Биркелунд. Здесь можно было бы ограничиться одной фразой: нашим мечтам не удалось сбыться.

Датские дневники

*Я вчера закончил ковку –
Я два плана залудил –
И в загранкомандировку
От завода угодил.*

В.С. Высоцкий¹

В дневнике приводится описание событий с момента вылета из Москвы. Бóльшая его часть заполнена описанием процесса моей работы над коллекцией двустворчатых моллюсков семейства Buchiidae, доставленных датскими геологами из разрезов терригенных пород морского генезиса верхнеюрского и нижнемелового возраста Северо-Восточной Гренландии и Земли Пири. В разной степени рассмотрены контакты с соавторами публикаций будущих статей. Описаны сцены посещения по приглашению хозяев домов и квартир — как датчан, так и временно работавших в Университете Копенгагена геологов и палеонтологов из западноевропейских стран: Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Чехословакии. Некоторое внимание уделено сотрудникам Посольства СССР в Дании с описанием встреч и бесед с ними, связанных с обсуждением совместных работ учёных в России и в Университете Копенгагена. Отмечены контакты с молодыми учёными из разных институтов Академии наук СССР, приглашенными для стажировок в научно-исследовательские центры Дании.

Поскольку публикуемые здесь очерки основаны преимущественно на записях в дневнике, то в описаниях некоторых сцен неизбежны повторы. В таких повторах нет иных намерений, кроме более полного раскрытия содержания отдельных событий. При чтении дневника легко установить, как автор описывает все свои ежедневные действия. Цель таких демонстраций простая: показать динамику действий основного участника событий, а также некоторые детали бытия в квартире и за

¹ Из песни «Инструкция перед поездкой за границу». — Прим. И.М.

её пределами — в Копенгагене и Дании: например, состояние погоды и другие факторы среды обитания. Любопытному читателю, по-моему, полезно иметь представления об атмосфере (в широком смысле), в которой приходилось жить и трудиться. Иным читателям легко игнорировать детали и понимать лишь суть дела, как и давать индивидуальную оценку деятельности автора, изложенной без прикрас. Так что, счастливого пути, следом за автором дневника и очерков.

Не все сюжеты описаны в очерках. Причина проста: помимо общения с коллегами иногда приходилось соглашаться на участие в «туристических» мероприятиях. Так, обладатели авто супруги Батерст любили выезды за пределы Копенгагена. Их привлекали небольшие поселения и быт сельских жителей. Как правило, знакомство ограничивалось посещением моленных мест, молитвенных домов и кладбищ. Из перечисленного мне запомнились молитвенные дома — тем, как они выглядели снаружи и изнутри. Такие дома внешне не отличались от деревянных жилых строений в посёлках. Внутри не было никаких специальных элементов убранства: позолоченных резных иконостасов, алтаря, росписей, икон в киотах, купелей. Поскольку мне приходилось бывать в знаменитых православных храмах Ленинграда и «Золотого кольца» России, поражающих красотой и многообразием внутреннего убранства, меня удивила скромность интерьера моленных домов протестантов-лютеран, которые всё же христиане. В «обителях убогих», я имею в виду кладбища, преобладал такой же порядок, как и повсюду в Европе. Отношение датчан к земле во всех проявлениях также заслуживает подражания.

Следует упомянуть, что мое пребывание в Дании продлилось сверх разрешённого двухмесячного периода (октябрь — ноябрь) до 10 декабря. Задержка была связана с просьбой норвежских геологов определить для них коллекцию двустворчатых моллюсков с острова Андо в составе Лофотенского архипелага в Норвежском море. Посольство СССР в Копенгагене запросило Президиум АН СССР, и моя просьба на продление командировки была удовлетворена. Своё задание я выполнил в срок, и через год результаты были изложены в коллективной статье (Zakharov et al., 1981).

Очерки о зарубежных коллегах

Тове Биркелунд (Tove Birkelund) (28 ноября 1928 г. — 24 июня 1986 г.)

*Палеонтолог и организатор геологических исследований
в Гренландии.*

*Профессор Копенгагенского университета,
заведующая кафедрой исторической геологии*

Раскрытие образа Тове Биркелунд представляется мне наиболее сложным. Верно, что поездкой в Данию я обязан Ф. Сурлику по причине необходимости изучения собранной им коллекции юрско-меловых двустворок из Восточной Гренландии. Однако приглашение в Университет Копенгагена принадлежит профессору Т. Биркелунд. Затруднение же с описанием её, несомненно, яркого образа связано с тем, что для раскрытия особенностей её поведения и характера мне не хватило времени, поскольку она покинула Данию на третий день после моего туда приезда. Она направилась в Университетский колледж Лондона к своему коллеге Дж.Х. Калломону для работы с коллекцией юрских аммонитов из тех же разрезов Северо-Восточной Гренландии, откуда происходили и двустворки-бухийиды — предстоящие объекты моих исследований. Т. Биркелунд возвратилась в Копенгаген только в конце ноября.

Моё знакомство с ней, как и с Ф. Сурликом, впервые состоялось в Академгородке Новосибирска в июле 1977 г. во время Международного colloquiuma по верхней юре и границе юры и мела. В течение нескольких дней, проведённых в городке, мы с Тувой тесно практически не общались, если не считать краткие беседы, в которых выяснялись мои возможности изучения бухий Гренландии. Тем не менее во время этих встреч мои впечатления от образа Тове были однозначно приятными. Она постоянно дружески пожимала руку и доброжелательно улыбалась. Сразу отметила, что мой доклад произвел на неё благоприятное впечатление.

В течение нескольких суток, проведённых в экскурсии на разрезах юрских и нижнемеловых отложений на реках Ятрии и Яны-Манья (бас-

Туве Биркелунд

сейн р. Северной Сосьвы на Приполярном Урале), внимание Туве привлекали прежде всего аммониты верхней юры и пограничных слоев юры с меловой системой (рязанский ярус = берриас).

Многие из здешних таксонов (в особенности из волжского яруса) были представлены бореальными формами, известными также в Восточной Гренландии.

Опережая события, здесь уместно сказать, что двумя годами позже в музей при Университете Копенгагена была доставлена коллекция окаменелостей из пограничных слоёв юры и мела с Земли Пири (сборы Э. Хакансона из Северной Гренландии).

Практически на второй день после приезда мне совместно с Т. Биркелунд и С. Писецки пришлось предварительно поработать с этой коллекцией. Не могу

Река Ятрия, Урал. 1977. Сидят: Дж. Калломон, М.С. Месежников, Т. Биркелунд, В.А. Захаров, К.В. Паракецов

вспомнить причину, но Туве сразу предложила мне оценить фрагменты аммонита, сославшись на то, что этот род напоминает ей верхневожских с р. Ятрия. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить род, которым оказался *Craspedites*. Я отнёс вид к *C. ex gr. nodiger*. Кстати, Ф. Сурлик согласился с моим определением рода *Craspedites*. Однако позднее Т. Биркелунд, вернувшись из Англии, идентифицировала его как *C. okensis*, поскольку фрагменты аммонита, как ей показалось, ближе к *Craspedites s. str.*, чем к более позднему подроду *Taimyroceras*, характеризующему зону *C. (T.) taimyrgensis*. Род *Buchia* был представлен довольно многочисленными видами: *B. fischeriana*, *B. unshensis*, *B. terebratuloides*, известными из интервала от подошвы верхневожского яруса до берриаса (= рязанского). В результате коллективного обсуждения биостратиграфического материала авторами будущей публикации было принято предварительное решение, касающееся хроностратиграфической разбивки разреза и варианта позонной межрегиональной корреляции в пределах развития отложений бореального типа (Hakansson et al., 1981). Результаты нашей совместной работы впервые доказали присутствие *C. okensis* верхневожского подъяруса в Гренландии.

Здесь перед рассказом о моём более тесном общении с Т. Биркелунд, как мне представляется, уместно рассказать о ней подробнее.

Официальные данные гласят, что Т. Биркелунд — датский геолог, доктор наук, профессор исторической геологии в Университете Копенгагена с 1966 г. Затем идёт краткое повествование о её научных достижениях в палеонтологии, стратиграфии и седиментологии отложений юрской и меловой системы в Дании, Восточной Гренландии и других странах. Как член Датского Совета по исследованиям в области естественных наук в 1970 — 1979 гг., Фонда Carlsberg Королевского общества и председатель Совета по планированию исследований в 1981 — 1984 гг. она занимала центральное место в Датском управлении исследований и научной политики. Однако для нас, её коллег по объектам и арктическим территориям исследований, она прежде всего, была душой того международного коллектива, в котором активно продвигала идею доверительного сотрудничества датских и советских учёных-геологов на территории Арктики. Её личный вклад в геологию Гренландии был в основном связан с мезозойской стратиграфией и палеонтологией. В этой работе она в своей короткой жизни плодотворно сотрудничала с Дж.Х. Калломоном. Совместно с организованной ей рабочей группой из молодых геологов и студентов Университета она в течение десятилетия занималась геологическим картированием и региональными исследованиями на Землях Джеймсона и Милн в Северо-Восточной Грен-

ландии. В кратком некрологе Н. Хенриксен, один из последователей и поклонник таланта Т. Биркелунд, отразил наши общие чувства к этой выдающейся личности в науке и незаурядной женщине в следующих фразах: «Нам будет не хватать Туве Биркелунд и как геолога, и как инициатора геологических исследований. Помимо этого, многим из нас будет не хватать её как очаровательной и живой участницы экспедиций, которая, несмотря на свою ведущую роль в недавнем развитии науки в Дании, всегда стремилась на равных со всеми участвовать в полевых работах в Гренландии»¹. Я искренне присоединяюсь к этой высокой оценке достоинств Т. Биркелунд.

Как и предполагалось, Т. Биркелунд вернулась из Англии в конце ноября. Поскольку в мои обязанности входило изучением бухид, то совместная работа с ней ограничилась участием в подготовке рассмотренной выше коллективной публикации по Земле Пири. Наша встреча произошла на званом ужине в её доме, куда я был приглашен 3 декабря. Традиционно посещая кооперативный магазин при Посольстве, я и на этот раз запасся пивом и грузинским вином, полагая, что высокого качества алкоголь из СССР, как показала моя предыдущая практика, всегда воспринимается датчанами с приподнятым настроением. Дома неожиданно встретил Э. Хаккансона, тоже приглашённого в гости. В 19.00 за нами приехал младший сын Туве — Peter. Вся семья была в сборе. Муж Т. Биркелунд — Sten (возраст между 55 — 60 годами), адвокат. Старший сын (23 года) тоже Sten, Jr. — медик, упомянутый выше младший сын (21 год) — студент по религиозной социологии. В доме Биркелунд я провёл три часа.

Ужинали, пили пиво и красное вино (по вкусу). Беседовали о том, о сём. Поскольку за столом было что выпить и чем закусить, беседа носила не слишком организованный характер. Так что я не берусь её изложить. Бóльший интерес вызовет, вероятно, описание помещения. Оно представляло собой обширное пространство в длину всего одноэтажного дома, поскольку располагалось под ним. Да, это был очень привлекательно построенный «подвал», центральная часть которого была «отдана» длинному столу, окружённому удобными красивыми скамейками «со стенкой» для спины. Идея так приспособить помещение под домом принадлежала Туве, которая, по её признанию, рассчитывала на большую компанию родственников.

Время моего пребывания в Дании неумолимо сокращалось. 5 декабря в фойе Университета мы встретились с Т. Биркелунд «за чашкой чая». Надо сказать, что в огромном пространстве на первом этаже

¹ См. Henriksen N., 1986. — Прим. И.М.

было несколько холодильников, в которых хранилась кондитерская выпечка, напитки и пакеты для быстрого приготовления чая и кофе. На столах находились электрочайники. Туве предложила обсудить возможность дальнейшего сотрудничества её группы и специалистов из ИГиГ СО АН СССР в деле изучения геологических разрезов на арктических территориях Северной Гренландии и Сибири. В целом она отнеслась к такому содружеству положительно. Ранее я предлагал советнику нашего Посольства по научным связям Е.Л. Моторову обсудить перспективы научного взаимодействия на встрече с Т. Биркелунд. Я согласился организовать их встречу в ближайшие дни. Неожиданно для меня Е.Л. Моторов предложил встретиться в Геологическом институте Университета уже на следующий день. Вот результат этой беседы: 1) Стороны согласились с тем, что сотрудничество геологов Дании и СССР полезно; 2) Желательно наладить обмен сотрудниками учреждений уже в течение следующего года; 3) Необходимо организовать участие в полевых работах в Восточной Гренландии и на севере Сибири. Т. Биркелунд заверила, что совместные работы на разрезах Гренландии вполне реальны. Е.Л. Моторов просил подготовить предложения по участию советских специалистов к понедельнику 10 декабря. Поскольку пребывание в Дании у меня было ограничено, то краткая записка была мною подготовлена на следующий день и передана в аппарат Посольства.

К сожалению, наши хлопоты оказались напрасными, в чем я вскоре убедился. Время стёрло точные сроки моего приглашения в Первый отдел ИГиГ, но случилось это вскоре после моего возвращения в Академгородок. Начальник отдела предложил мне в его присутствии ознакомиться с письмом, из которого я понял, что надзорные службы запрещают любые исследования на территории Арктики в союзе с зарубежными специалистами. В письме отвергалось предложение Ж.-И. Кусто, добивавшегося открытия пространств Арктики для исследований международным сообществом наподобие доступного многим странам изучения Антарктического континента. Так что моя попытка обмена экспедициями учёных в Гренландию и Университета Копенгагена на север Сибири потерпела неудачу. Признаюсь, что психологических потрясений подобного рода мне не довелось до этого испытывать. Самое тяжёлое переживание было, безусловно, связано с предстоящим изложением причин отказа в нашем сотрудничестве в письме, которое мне следовало написать Т. Биркелунд. Хотя это письмо и не сохранилось, я до сих пор помню свой душевный разлад, который пришлось пережить, оценивая решения властей в отношении границ сотрудничества с учёными из капиталистических стран. Мне с трудом

пришлось осознать, что такие решения принимают не учёные, а чиновники соответствующих ведомств.

16 октября 2022 г.

Финн Сурлик (Finn Surlyk)

(р. 17 марта 1943 г.)

Датский геолог, палеонтолог, седиментолог.

*Генеральный секретарь Международной ассоциации
седиментологов (1986 – 1990; 1990 – 1994).*

*Президент Международной ассоциации седиментологов
(2006 – 2014).*

Заслуженный профессор Университета Копенгагена в отставке

Моя поездка в Данию в 1979 г. осуществилась, главным образом, благодаря Ф. Сурлику, местом работы которого был Департамент геологических наук и управления природными ресурсами. Именно коллекция бухиид (сем. *Buchiidae*), собранная им в течение нескольких полевых сезонов в Северо-Восточной Гренландии, явилась главным основанием для моего приглашения в Университет Копенгагена и в Геологический музей. Мне было поручено таксономическое изучение этой коллекции и разработка совместно с Ф. Сурликом зональной шкалы по бухиидам верхней юры и нижней части мела.

Наше знакомство состоялось в Академгородке Новосибирска во время Международного colloquium по верхней юре и границе юры и мела в июле 1977 г. Ф. Сурлик сразу произвёл впечатление энергичного и открытого молодого человека с приветливым лицом, горящими глазами и желанием расположить к себе собеседника. Таким он и оставался для меня на весь период общения, включая короткий полевой интервал на Урале и всё время, проведённое в Копенгагене осенью 1979 г.

На colloquium в Новосибирске Ф. Сурлик прибыл уже довольно известным в Западной Европе специалистом по стратиграфии и общей геологии Северо-Восточной Гренландии. В Сибири его интересовал разрез верхней юры и базальной части меловой системы. Планировалось показать участникам совещания разрезы именно этого стра-

*В ожидании вертолѐта на р. Ятрия, Урал.
Ф. Сурлик – слева. 1979 г.*

Ф. Сурлик и В.А. Захаров. 1979 г.

тиграфического интервала на терригенных толщах, вскрывающихся по рекам Ятрия и Маурынья в бассейне р. Северная Сосьва на Приполярном Урале. Вспоминая своё пребывание на р. Ятрия, я обнаружил, что из иностранцев большую часть времени провел с Ф. Сурликом. Как представляется теперь, близкое общение было оправдано нашими профессиональными интересами. В перспективе это, возможно, определило приглашение меня, спустя два года, в Университет Копенгагена и музей для работы с коллекцией восточно-гренландских бухийд.

Приглашение из Университета Копенгагена за подписью профессора Т. Биркелунд было получено еще в апреле 1979 г., и вскоре поступило разрешение на командировку от всех инстанций в Новосибирске и, конечно, в Москве. Извещение на вылет из Москвы 2 октября пришло в ИГиГ также заранее.

В середине августа группа специалистов из лаборатории мезозоя и кайнозоя Института вылетела в Хабаровск, где планировалось наше участие в работе Международного Тихоокеанского научного конгресса. Если не принимать во внимание природный катаклизм в виде сильнейшего шторма, завалившего дороги сотнями деревьев и вынудившего наш самолёт ТУ-104 приземлиться во Владивостоке вместо Хабаровска, то Конгресс следует оценить по высшей категории. Достаточно сказать, что центральной фигурой с советской стороны в Президиуме был тогда еще член-корреспондент АН СССР Е.М. Примаков, притом, что в зале находились десятки полных членов Академии. В Новосибирск мы возвращались в приподнятом настроении.

Каждый научный сотрудник, работавший в академическом институте на территории СССР и направлявшийся в заграничную командировку, был обязан, прибыв в Москву, явиться к куратору в Управление внешних сношений АН СССР. Куратором УВС в то время был Н.М. Титов. Связавшись с ним по телефону и руководствуясь полученными рекомендациями, я прошёл все этапы «чистилища» перед отъездом в Копенгаген: получил заграничный паспорт с визой, строгую сумму командировочных (в датских кронах), авиабилет (перед самым отъездом в аэропорт) и назначения вместе с группой выезжающих за пределы Родины по поведению за рубежом (почти по В.С. Высоцкому).

2 октября я вылетел из Шереметьева на самолете ИЛ-62. В аэропорту Копенгагена меня встречал куратор Посольства СССР в Дании А.Н. Крайнов, Он отвез меня в Университет.

3 и 4 октября перед посещением Университета и Геологического музея я испытывал психологическое напряжение. И это не удивительно. В эти дни планировалось «встретиться» с коллекцией бухий из Северо-Восточной Гренландии, которые были главными объектами моей пред-

стоящей двухмесячной работы. Поскольку до этого я имел дело с бухиями только «российского» происхождения, то испытывал от встречи с бухиями из Гренландии некий трепет. Ответ на вопрос «Справлюсь ли?» должен был быть довольно простой, но однозначный: «да или нет». Признаться, я подходил к лоткам, заваленным ядрами бухий, с волнением. Однако достаточно было беглого взгляда на «любимый» объект, чтобы сказать: «Да — справлюсь!». Я легко узнавал «лица» бухий, совершенно не отличимые от сибирских, уральских, средне-русских и тимано-печорских. В процессе работы трудные решения, безусловно, приходилось принимать при оценке материала плохой сохранности, но такие ситуации были обычными и в предшествующие годы.

С Ф. Сурликом я встретился лишь на следующий день в музее, где он мельком показал мне его сборы бухий. Затем я вернулся в Университет, где до конца рабочего дня знакомился с полевыми фотоматериалами. Поскольку Финн был постоянно занят текущей работой с полевыми материалами в музее и со студентами в Университете и за его пределами, то наши встречи, касавшиеся обсуждения результатов моего изучения коллекций, как правило, носили неупорядоченный характер. Так что на эту сторону моего пребывания я постараюсь не слишком отвлекаться.

Поскольку Ф. Сурлик являлся для меня ключевой фигурой среди сотрудников музея и Университета, а также новых знакомых в Копенгагене, то имеет смысл именно в начале повествования дать ему хотя бы краткую характеристику.

Он получил высшее образование в Университете Копенгагена, который окончил в 1968 г. с золотой медалью (1969 г.). Там же двумя годами позже ему присудили степень доктора философии после защиты диссертации по верхнемеловым брахиоподам. В 1978 г. в Университете Копенгагена Ф. Сурлик защитил докторскую диссертацию по материалам изучения верхней юры и нижнего мела Северо-Восточной Гренландии.

Я старше Ф. Сурлика — он родился в Копенгагене в марте 1943 г., то есть спустя 7 лет после моего появления на свет в Кимрах Калининской (ныне Тверской) области в ноябре 1936 г. В научном отношении к октябрю 1979 г. мы были в близких «весовых категориях», поскольку докторские степени оба получили с минимальной разницей во времени. Понятно, что по печатной продуктивности я превосходил Ф. Сурлика, так как к концу 1960-х и началу 1970-х годов имел несколько персональных и коллективных монографий, связанных по тематике, как и у коллеги из Дании, с арктическими и субарктическими территориями.

Определяющую роль сыграли те 7 лет, на которые я опережал Ф. Сурлика по времени появления на свет.

Объектами исследований у него, как и у меня, в это время были окаменелости. Правда он довольно быстро переключил внимание с меловых брахиопод Дании на изучение морских седиментационных комплексов юры и нижнего мела Северо-Восточной Гренландии. В этом направлении Ф. Сурлик продвигался на удивление быстро, освоив не только литологию, но и биостратиграфию верхнеюрских и нижнемеловых осадочных толщ, включая остатки морских моллюсков: аммонитов и отчасти бухий (двустворок). Постепенно в центре его внимания оказались толщи юрского и мелового возраста и их тектоническое строение. Именно в этом направлении Ф. Сурлика ожидал успех. Во время двухмесячного пребывания в Дании я, конечно, не мог предвидеть насколько быстро его научная карьера в Западной Европе буквально «взлетит»: в течение двух сроков подряд (1986 – 1994 гг.) Ф. Сурлик будет занимать пост Генерального секретаря Международной ассоциации седиментологов (IAS). Мне грех жаловаться на динамику своей научной карьеры, но успех уважаемого коллеги до сих пор «согревает душу». Должности и награды сопровождали его до конца карьеры, завершившись в 2013 г. присуждением звания заслуженного профессора Университета Копенгагена.

Работа специалиста с палеонтологическими коллекциями хотя и увлекательная, но большая часть времени уходит на рутину. В моём случае она состояла из подготовки каждого экземпляра к идентификации: его чистки и препарирования, если такая необходимость возникала; отбору образца и зарисовку каждого его положения (как правило, в четырёх ракурсах) для фотографирования. По мере накопления образцов они передавались фотографу, а затем переходили снова ко мне для монтажа фототаблиц и их последующего описания. Как известно, фотоматериалы являются наиболее информативной иллюстрацией при описании таксонов. Эта часть работы целиком выполнялась мною и под мою ответственность. Сведения о географическом месте сбора фоссилий и о геологической ситуации на месте их нахождения возлагались, естественно, на Ф. Сурлика. В предстоящей публикации важнейшим результатом планировалась разработка шкалы бухиазон верхней юры и основания меловой системы. Структуру шкалы и конечный её вариант мы обсуждали совместно. Окончательный вариант последовательности бухиазон в значительной степени опирался на предшествующий опыт моей работы со шкалами севера Восточной Сибири, Приполярного Урала и Тимано-Печорского региона (Захаров, 1978).

Если читатель проявит интерес к процессу формированию статьи, он может обратиться к дневнику и проследить в деталях участие каждого из нас в этом деле. Основная особенность работы с Ф. Сурликом тесно связана с его кипучей энергией, в какой-то степени объясняющей несвойственную мне «жесткость» в принятии решений по конструкции зональной шкалы. Спорные эпизоды возникали при определении ранга биостратонов в случаях выбора слоёв с бухиями или бухиазон. Финн предпочитал бухиазоны. Спустя много лет после публикации нашей статьи (Surlyk, Zakharov, 1982), довольно популярной до настоящего времени, я удивляюсь отсутствию критики в печати в отношении предложенной нами шкалы бухиазон верхней юры и нижнего мела Восточной Гренландии.

После трёх недель совместной работы (19 октября) Финн пригласил меня к себе домой на ужин. В 16.30 мы совместно с его супругой Нанной отправились от Университета на станцию Østerport, находящуюся на полпути от Посольства. Отсюда электричкой поехали к северу в направлении к Helsingborg. Путь занял примерно 20 минут. Затем мы пересели на маленький поезд «свин» и проехали четыре остановки в том же направлении.

Тогдашний дом Сурликов состоял из полутора этажей. Рядом открытый гараж (просто — навес). Отопление и подача горячей воды осуществлялись с помощью дизельного топлива, поступавшего из продолговатого бака, закопанного рядом с домом. По словам Финна, одного бака хватает на целый год. Следует, однако, заметить, что ватер-клозет помещался в неотопляемой части дома. Насколько я ощутил, это создаёт дискомфорт. Второй этаж, где находилась спальня, не заполняет всего пространства первого этажа. По крайней мере, малолетний сын Яков (в сентябре ему было три года) при мне поднимался вверх по узкой лестнице. На ужин были поданы отварные креветки с майонезом и тостами. Затем тушёная говядина с картофелем, салат из китайской капусты с помидорами. Белое вино (сухое). На десерт — печёные яблоки с орехами, жжёным сахаром и взбитыми сливками. После ужина смотрели по TV американский фильм с участием Дж. Фонды — пародия на вестерн. Актриса замечательная, но фильм пустой. Я не преминул отметить, что фильм не затрагивает общественных или бытовых проблем. На что Финн с иронией парировал: «Житейских проблем и так хватает, а такой фильм позволяет снять накопленное за день напряжение». Домой я возвратился на электричке и был в квартире в 23.15.

Второе приглашение в гости последовало от Сурликов в субботу 27 октября. Должна была состояться поездка в Helsingborg к родите-

лям Нанны (напоминаю — жены Финна). Ф. Сурлик прибыл за мной в 12.40. Заехали в супермаркет, в котором запаслись продуктами. Я (советский человек) был поражён обилием и разнообразием всяких съедобных изделий. Затем поехали в центр города на Stróget. Чуть-чуть прошли по улице и ланчевали (бифштекс с пивом) в «трамвайном вагоне» 1920-х годов. После ланча поехали домой к Сурлику.

Его сын спал, ждали, когда проснётся. Провели в доме около часа и затем поехали к родителям Нанны. Её отец, профессор геологии, специалист-вулканолог. Семья отца живёт в большом кирпичном доме, принадлежащем Датской Королевской академии наук¹. Дом стоит на берегу пролива Каттегат, на самом пляже, покрытом великолепным чистым песком с валунами. Двухэтажный особняк имеет около 8 — 10 комнат. Жена профессора — биолог. В доме аквариумы, террариумы (с тропическими тараканами и земноводными). Много цветов. В 16.00 пили чай, прогуливались с Финном вблизи дома. Здесь же на пляже перед домом две небольшие оранжереи и несколько яблонь, на ветвях которых до сих пор много яблок. Затем беседовали у камина о жизни в разных политических системах. Пили пиво «Старый замок» — экспериментальное от датского производителя пива Carlsberg. Кстати, этот «олигарх» вкладывает большие деньги в микробиологические исследования в Дании, в частности в Институт Бора. Ужинали поздно — от 20.00 до 21.00. К столу были поданы куропатки, выращенные в оранжерее женой профессора, салат из фруктов и овощей, яблочный торт со сливками. На десерт — мороженое с консервированными грушами. Пили испанское красное сухое вино «Негру де Пуркари». Я вспомнил, что это вино было популярно в Молдавии, где я присутствовал на Всесоюзном совещании по двустворчатым моллюскам в Тирасполе в 1977 г. Местные жители называли это вино «Вином английской королевы», поскольку де королева Елизавета II регулярно его заказывала.

Выехали в Копенгаген уже к ночи. В доме у Ф. Сурлика были в 21.40. Детей сразу же уложили спать. Ушла и Нанна. После короткой беседы с Финном я поехал домой. Прибыл в квартиру ближе к 23.00.

Последнюю «домашнюю» встречу с Ф. Сурликом мы провели 13 ноября, в день моего рождения. Перед поездкой в дом Сурликов заехали в роддом за Нанной. Она на днях рожала второго ребенка (парня) кесаревым сечением (как и первого). Забрать роженицу на ужин из роддома для меня, конечно, было удивительным событием. Однако Финн спокойно отвёз её в какой-то близко расположенный коттедж,

¹ Основана в 1742 г. — Прим. И.М.

пояснив мне, что он удовлетворил желание супруги угостить её «по-геологически». Я ждал их возвращения в машине. Нанну вернули в покои так же непринужденно, как и забрали оттуда. По дороге в дом Ф. Сурлика мы прихватили старшего сына Якова из детсада. По пути зашли в магазин, где купили рыбу (две форели) и овощи (шампиньоны, томаты, лук и пр.). Пищу готовил сам Финн. За ужином ели рыбу, шампиньоны, картошку фри. Пили вино «Гурджаани». На десерт была дыня из Израиля. Клубника, кстати, из Новой Зеландии. Домой вернулся в 23.00.

Завершая повествование о Ф. Сурлике, следует еще раз отметить, что в очерке описан лишь короткий период моего общения с этим крупным учёным-геологом. В связи со сложившимися обстоятельствами читатель мог представить его фигуру в весьма ограниченном пространстве (музей, университет, семья) в Копенгагене осенью 1979 г. и в исследованиях по ограниченному палеонтологическому материалу, связанному с двустворчатыми моллюсками рода *Buchia* из стратиграфического интервала верхней юры и нижней части мела Гренландии.

Сентябрь, 2022 г.

Анни Валери Дондт (Annie V. Dhondt)
(4 января 1942 г. — 1 сентября 2006 г.)

*Палеонтолог, специалист по верхнемеловым моллюскам.
Начальник отдела в Королевском институте естественных наук
Бельгии (Брюссель), заместитель председателя
Международной комиссии по меловой системе*

4 октября во второй половине дня в огромном вестибюле Университета Копенгагена я неожиданно встретил бельгийского палеонтолога А. Дондт — специалиста по верхнемеловым, преимущественно средиземноморским, двустворкам. В это время она оказалась в Университете среди участников Международного симпозиума по мел-палеогеновым событиям. Анни прибыла в Данию на своём синего цвета «Ситроене»,

Анни Валери Дондт на пароме. Севастополь, Крым. Июнь 1999 г.

на котором год спустя мне довелось вместе с ней объехать значительную часть территории Бельгии. На сей раз на её машине мы легко добрались до Хеллинговерга, где осмотрели Замок Гамлета (Кронборг) на берегу моря. Здесь же поужинали в кафе на 214 датские кроны: грибы (шампиньоны с паштетом), запечённая форель, мороженое (на десерт).

В университетскую квартиру вернулись около 21.00. Пили кофе, беседовали. Я показывал Анни слайды с участниками экскурсии на разрезы пограничных слоев юры и мела на Приполярном Урале (рр. Ятрия и Яны-Манья), которая состоялась летом 1977 г. с участием датчан — Т. Биркелунд и Ф. Сур-

лика. Нам было, что обсудить по своей профессии, но, к сожалению, для такого разговора не оказалось достаточно времени. Хотя мы ещё раз (и снова неожиданно) встретились вечером следующего дня на квартире у Р. Батерста и его супруги Дианы. Р. Батерст, профессор Университета Ливерпуля (Англия), находился в Копенгагене по приглашению руководства Университета как литолог для чтения курса седиментологии карбонатных пород. Наиболее интересным оказалось время после ужина, в течение которого обсуждалась роль языков народов мира и связанных с ними национальных искусств. Благодаря присутствию Анни, довольно сносно владевшей русским, кое-какие сведения о российском искусстве удалось с моей подачи довести до понимания окружающих, поголовно говоривших на английском. Домой вернулся в 23.00.

Портрет А. Дондт и её роль в организации коллективных работ специалистов из разных стран, а также разного уровня международных совещаний по проблемам меловой системы заслуживают отдельного рассказа. Здесь, воспользовавшись замечательным некрологом Дж. Ягта (Jagt, 2006) и своим мнением, формировавшимся в течение нескольких лет, я позволю дать характеристику Анни как личности, специалисту и организатору важных международных дел по меловой системе в Северном полушарии нашей планеты.

А. Дондт слишком рано ушла из жизни. В её лице «меловики» потеряли замечательного учёного-палеонтолога и прекрасного человека. Анни была дружелюбной, доступной и терпеливой, но иногда умела

быть строгой, деловой и сдержанной, если её спровоцировать. В быту она всегда придерживалась «правил игры». Её жизнь постоянно сопровождалась классической музыкой. В её офисе начальника отдела в Королевском институте естественных наук Бельгии в Брюсселе всегда присутствовали стопки бумаги, копии статей и рукописей, которые предназначались для длительного хранения. На столе гостей ждали кофе, печенье или шоколад. Иногда на обоих концах стола стояли горящие свечи. Являясь главным редактором издаваемого Институтом Бюллетеня серии «Науки о Земле», она зорко следила за качеством рукописей. Её мнение не всегда было «мягким», но очень редко не по делу!

Как член различных рабочих групп и Международной комиссии по стратиграфии мелового периода, а в последние годы еще и заместитель председателя, А. Дондт не раз сталкивалась со стрессовыми моментами. На конгрессах и симпозиумах как уважаемая большинством коллег личность она давала советы, иногда довольно требовательные, в особенности когда прибегала к родному фламандскому языку.

Помимо фламандского А. Дондт свободно говорила по-французски, по-английски, по-немецки и умела хорошо общаться по-русски. Она выучила этот язык в то время, когда большинству говорили, что Советский Союз является яростным противником западного уклада. Уроки русского языка она брала до последних дней жизни. Есть ли лучшее доказательство её уважения ко всему русскому? Ещё одним хорошим примером является её финансовая поддержка ряда коллег из МГУ. В 1999 г. она получила «Петровскую премию» за вклад в развитие науки и экономики в России в знак благодарности российских коллег. Я, автор этого очерка, как и Дж. Ягт, полагаю, что занять место Анни Дондт никогда никому не удастся (Jagt, 2006).

Учитывая ранний уход из жизни Анни и тот факт, что я оказался первым палеонтологом в России, к которому она дважды приезжала в начале 1980-х годов в Академгородок (Новосибирск) в ИГиГ СО АН СССР, дает мне моральное право хотя бы кратко поделиться воспоминаниями о её пребывании в Сибири. Цель визита была связана с желанием ознакомиться с коллекциями мезозойских двустворчатых моллюсков из Северной Сибири, находившимися в музее при Институте. Благодаря вполне удовлетворительному знанию русского языка Анни быстро наладила отношения не только с хранителями коллекций в музее, но и с авторами публикаций статей и книг с описанием этих коллекций.

Проживала Анни в гостинице, там же завтракала и обедала, но ужинала постоянно с нашей семьей, в которой, кроме нас с супругой, за

столом сидели дети: 19 (позже 21)-летний студент-геолог НГУ Аркадий и 8 (позже 10)-летняя Дарья. Времена были замечательные! Если большинство людей науки проводили немало часов в поисках пищи в магазинах, то учёные со степенью доктора наук получали вполне приличные продуктовые пакеты на дом дважды в неделю. Поскольку наша семья к тому времени попадала в эту вторую (или первую?) категорию, то проблемы с угощениями гражданки из капиталистической страны у нас не было. Надо признать, что ужинали мы в традиционно русском стиле, то есть перед закуской поднимались рюмки с водкой. Инициатором такого режима была Анни. Скоро выяснилось, что этот порядок она освоила, посещая приемы в советском Посольстве в Брюсселе, где, кстати, и осваивала русский язык.

Более того, второй тост тоже поднимала Анни после чётко и чисто произнесённой русской присказки: «После первой и второй — перерывчик небольшой». Разговор после ужина Анни предпочитала вести с детьми. Позже выяснилось, что она не могла иметь детей, но очень любила своих племянников школьного возраста от младшего брата и постоянно финансово поддерживала эту семью. Вероятно, именно школьные проблемы интересовали Анни, тем более что Аркадий после окончания английской школы свободно мог объясняться на английском, да и Дарья могла ответить на вопросы. Сама Анни благодаря полугодовалому пребыванию в США у Э. Кауффмана, где она изучала верхнемеловые отложения совместно с другими европейскими специалистами — такими, как У.Дж. Кеннеди и Дж. Хэнкок, — свободно владела английским и как-то в разговоре со мной призналась, что во сне она часто объяснялась на этом, в общем чужом ей, языке.

В 1980-е годы мне дважды довелось по месяцу проводить в Бельгии, а позже встречаться с А. Дондт на международных совещаниях в других странах, то я благодарен судьбе за эти счастливые времена.

Не могу удержаться от описания такой картины: Анни шагает по заснеженной тропинке от ИГиГ в сторону гостиницы. Ветер развеивает полы её расстёгнутой шубы, достигающей краями снежного покрова. Солнце «шпарит» всюду. На улице тепло. Март в разгаре. Оба приезда Анни в Сибирь были в марте. Всякий раз ей везло с погодой, но она постоянно брала с собой эту шубу! Признаюсь, не могу сдержать слёз.

Франц Теодор Фюрзих (Franz Theodor Fürsich) (р. 23 июля 1947 г.)

*Университет Фридриха-Александра Эрлангена-Нюрнберга
(Германия).*

*Заслуженный профессор палеонтологии (в отставке).
Палеонтолог, специалист по двустворчатым моллюскам
и водным экосистемам мезозоя,
следам жизнедеятельности фоссилий*

Впервые мы встретились в Университете Копенгагена 4 октября 1979 г. По первому знакомству Франц оставил о себе благоприятное впечатление. Во-первых, молодостью (он был младше меня на 11 лет), открытостью и оптимистическим нравом; во-вторых, «любовным» отношением к окаменелостям из Восточной Гренландии, которые он разложил на широком столе и сразу приступил к оценке качества образцов. Я упоминал о том, что Т. Биркелунд разделила коллекцию между нами. Я получил бухид, а Ф. Фюрзих — оставшиеся группы двустворок. Возможно, он не был полностью удовлетворен таким раскладом, но в течение всего времени работы над бухидами я не чувствовал с его стороны негативной реакции.

*Франц Теодор Фюрзих.
1979 г.*

Во время моего пребывания в Копенгагене наши встречи сначала проходили довольно часто. Поводами были обсуждения систематического состава коллекций двустворок из Восточной Гренландии. Затем большую часть времени занимала работа с персональным материалом, который был в нашем распоряжении в соответствии с договором владельцев коллекций. Я работал только с бухиевыми, а Ф. Фюрзих — с таксономически более разнообразными группами. В итоге, как я подсчитал, в октябре мы встречались 8 раз, преимущественно решая проблемы систематики. В ноябре я зафиксировал всего три встречи, и все они были бытовыми. Прощальная беседа 7 декабря носила традиционный в подобных случаях обмен почтовыми адресами для получения будущих публикаций.

С коллекцией двустворок по Восточной Гренландии, которую предстояло изучить Ф. Фюрзиху, я бегло ознакомился в Геологическом институте Университета Копенгагена уже 4 октября. Мы договорились более основательно изучить её 6 октября в субботу, когда в Институте никто не работал, а стало быть, не помешает беседе. Франц слегка задержался, но в 11.00 мы приступили к осмотру и завершили его только через четыре часа.

Особенно интересным оказался верхний оксфорд. Здесь было много *Buchia kirghisensis*. В средней волге я обнаружил только *B. mosquensis*. В верхней волге раковины бухии были очень плохой сохранности. Идентифицировать в открытой номенклатуре удалось только *fischeriana* или *russiensis*. Среди пектиниид был определен *Mcleania broenlundii* Ravn, 1911. Среди астартид присутствуют формы, очень похожие на наши средневожские. После завершения работы с коллекцией я посетил квартиру Ф. Фюрзиха. Её облик не запомнился.

Далее бóльшая часть наших встреч уже не была так тесно связана с Восточно-Гренландской коллекцией, а ограничивались совместными ланчами, посещением квартир коллег, прогулками по скверам и по городу. Так, 5 октября вечером мы с Францем поехали на ужин к Р. Батерсту. Там встретили А. Дондт. При описании этого визита в очерке о семействе Батерстов я обратил внимание на то, что общий интерес собравшихся вокруг стола вызвала беседа о языках народах мира и объединяющем людей искусстве.

8 октября на ланче с Ф. Фюрзихом присутствовали Р. Бромли, Р. Батерст и я. Позже вся наша компания прогулялась по ботаническому саду при Университете. Посмотрели оранжерею с тропическими растениями, пруд с утками, опытные участки, на которых работают (практикуются) студенты. На следующий день мы обедали только с Францем. Затем прогулялись в гавань, осмотрели причалы и полюбовались знаменитой сидящей на камне русалкой.

Весь день 10 октября я был занят переводом с русского на английский большого фрагмента будущей статьи, поэтому не мог уделить должного внимания просьбе Ф. Фюрзиха, связанной с идентификацией какого-то вида, возможно, бухий. И мы быстро разошлись. Но уже на следующий день встретились снова. По крайней мере, в дневнике отмечено, что я рассказывал Францу о наших работах на севере Сибири и по его просьбе перевёл с русского на английский заголовки переданных ему статей и книг по средней юре и келловею.

18 октября при обсуждении с Ф. Сурликом плана дальнейшей совместной работы мне было предложено подготовить совместную статью «О бухиазонах Гренландии». Этого альянса не случилось, возможно,

после «вмешательства» Т. Биркелунд. В моём дневнике нет записей о встречах с Ф. Фюрзихом до конца октября, хотя наверняка мельком мы должны были видеться (обычно, на ланчах). Далее имеется запись от 12 ноября: препарировал образцы для Ф. Фюрзиха. Объяснений нет.

В воскресенье 25 ноября был приглашен к нему в гости. Франц встретил меня на лестнице, держа на руках настоящего трёхлетнего «индусёнка». Второму сыну, Томасу, было два года. Жена Франца, довольно тёмнокожая, возможно, из южной части Индии. У меня болела голова, поэтому беседа не клеилась: спад эмоций. Английский не «шёл». В гостях провёл около трёх часов.

В записи от 27 ноября сохранилась строчка: вернулся в Институт, монтировал две фототаблицы (дублет) и беседовал с Ф. Фюрзихом и Р. Батерстом.

Последняя встреча с Ф. Фюрзихом состоялась днём 7 декабря. За ланчем мы рассуждали о перспективах дальнейшего сотрудничества при возможном совместном изучении восточно-гренландских и северо-сибирских разрезов юрского возраста. Этим планам не суждено было сбыться.

Этот очерк, посвященный Ф. Фюрзиху, на мой взгляд, эмоционально несколько проигрывает описаниям портретов Т. Биркелунд, Ф. Сурлика, Р. Батерста и А. Дондт. Такая ситуация объясняется всё же разницей в возрасте автора, то есть меня, и относительно молодого человека без заметных результатов.

Только спустя более 40 лет я мог оценить выдающиеся достижения Ф. Фюрзиха в разных областях знаний об ископаемых мезозойских моллюсках, палеоэкологии и фациальном анализе мезозойских бассейнов Ирана, Узбекистана, Китая, Индии, Европы, следах жизнедеятельности вымерших беспозвоночных, тафономии гидробионтов и пр.

Как сказано в обосновании присуждения Францу Теодору Фюрзиху Медали Жана Батиста Ламарка в 2008 г., он является настоящим космополитом, работающим по всему миру: в Китае, Иране, Индии и ряде европейских стран (Jean Baptiste Lamarck Medal 2008..., 2023).

Как приглашённый профессор Ф. Фюрзих читал лекции в высших учебных заведениях Франции, Японии, Уругвая, США, Дании и Англии. Его аспирантами были молодые учёные из Аргентины, Китая, Японии, Словакии, Сирии, Ирана и других стран. Можно добавить десятки названий учреждений, в которых Ф. Фюрзих занимал должности президента, главного редактора, зарубежного представителя в институтах разных стран, международных союзах и ассоциациях.

Его международная репутация также подтверждается многочисленными стипендиатами Германского фонда имени Александра фон

Гумбольдта и Германской службы академических обменов (DAAD), которые приезжали в «его» Институт палеонтологии в Вюрцбурге¹.

Робин Джилберт Чарльз Батерст
(Robin Gilbert Charles Bathurst)

(21 марта 1920 г. — 24 мая 2006 г.)

*Профессор, Университет Ливерпуля (Англия).
Литонолог-карбонатчик, крупнейший специалист
по седиментологии карбонатов и их диагенезу*

Робина Батерста я впервые встретил в Университете Копенгагена 5 октября на ланче, который был организован по случаю отъезда последних участников симпозиума по мел – палеогеновым событиям. К общему столу я презентовал русскую водку, которая и привлекла внимание Робина. Он назвал себя литологом-карбонатчиком, профессором Университета Ливерпуля и представил свою жену Диану. Сказал, что живут они в Новой Гавани². Тут же супруги пригласили меня к ним на ужин. Мы поехали вместе с Ф. Фюрзихом. В доме оказалась А. Дондт, что для меня было приятным сюрпризом, поскольку, как я отметил в очерке, посвящённом Анни, её знание русского помогло мне представить себя и мою семью, оставшуюся в Сибири, без проблем с английским. Беседа после ужина на темы языков мира и особенностей национальных искусств протекала, без преувеличения, в доверительной обстановке. Домой я вернулся в машине Анни ближе к полуночи.

После первого знакомства мои связи с Батерстами продолжались практически в течение всего срока пребывания в Дании.

Уже через сутки, в воскресенье 7 октября, мы с раннего утра вместе с Ф. Фюрзихом поехали на машине Батерстов на выходы меловых пород, идеально обнажающихся вдоль берега в утёсах. Погода стояла чудесная: солнечная и безветренная. Хотя я понимал не всё, что с энту-

¹ Ф. Фюрзих — директор Института палеонтологии Университета Вюрцбурга (Германия) с 1988 г. — *Прим. И.М.*

² Туристический район Копенгагена — *Прим. И.М.*

зиазмом объяснял Р. Батерст в отношении условий формирования белоснежных меловых холмов, обстановка способствовала расслаблению чувств.

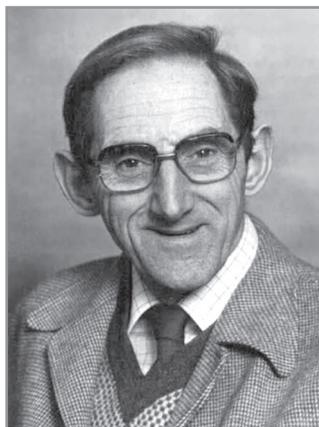
На следующий день, поработав с утра над переводом части рукописи по бухиям с Земли Пири, я встретился со вчерашней компанией за ланчем. Помимо Батерстов и Ф. Фюрзиха за столом оказался специалист по следам жизнедеятельности Р. Бромли. Природа в совокупности с погодой снова способствовала приятному наслаждению ею. Мы прогулялись по ботаническому саду при Университете, оранжерее, около пруда с утками и опытные участки для практики студентов. За мечательно!

Здесь полезно коротко рассказать о Р. Батерсте и о его пути в геологии. Он родился в лондонском районе Челси 21 марта 1920 г. Его учёба в бакалавриате по геологии началась в Политехническом институте Челси в 1939 г., но была прервана началом Второй Мировой войны 1939—1945 гг. Лишь после её окончания он получил степень бакалавра наук в 1948 г. уже в Имперском колледже в Лондоне. Три года Р. Батерст провел в Университете Кембриджа и вскоре был назначен преподавателем по седиментологии Университета Ливерпуля. В 1982 г. он оставил преподавательскую деятельность, но продолжил научную работу.

В Ливерпуле Р. Батерст переключилась с терригенных отложений на карбонатные породы и, в частности, на их диагенез. В этой области он был в основном самоучкой, хотя и находился под влиянием работ Г. Сорби, М. Блэка и особенно Б. Зандера. Работа Б. Зандера о триасовых карбонатах, первоначально опубликованная на немецком языке в 1936 г., была в то время почти неизвестна в англоязычном мире.

Научная карьера Р. Батерста формировалась довольно стремительно. Он защитил кандидатскую диссертацию в Ливерпуле (1966) и докторскую — в Лондоне (1974). В 1978 г. получил кафедру в Университете Ливерпуля. Удостоен престижных научных наград: Медаль Лайеля Геологического общества Лондона (1978), Медаль Твенхофела Общества седиментологов США (1983), Медаль Сорби Международной Ассоциации седиментологов (1986).

Он стал одним из 20 седиментологов, у которых появилась биографическая запись в Энциклопедии отложений и осадочных по-

*Робин Джилберт
Чарльз Батерст.
1986 г.*

род¹. В 2006 г. именем Р. Батерста была названа лаборатория Департамента наук о земле и океане Университета Ливерпуля.

Конечно, в то время мне не были известны научные заслуги Р. Батерста. О них я узнал лишь в середине 2000-х годов от седиментологов, работая в ГИН РАН.

А часто ли мы хорошо знаем достижения тех с кем рядом работаем годами? На память приходит оценка выдающегося генетика-ботаника академика Н.И. Вавилова одним из его учеников, академиком Д.Н. Прянишниковым: «Николай Иванович — гений. Мы этого не понимаем только потому, что работаем рядом с ним» (цит. по Окунев, 2020). Понятно, что влияние работ Н.И. Вавилова на развитие генетики и других областей биологии, включая палеонтологию, существенно выше, как мне представляется, чем заслуги Р. Батерста, но оценка достижений этого специалиста в седиментологии также заслуживает достойного почитания.

17 октября весь день работал в музее. Детально знакомился с гренландскими коллекциями Ф. Сурлика с п-ова Форланд Волластон и о. Кун. Ланчевал в Институте, как и в понедельник, вместе с Р. Батерстом. Поинтересовался посещаемостью его лекций студентами и преподавателями. Ответ был улыбчиво-односложный: «Не жалуюсь».

Вечером побывал в гостях у супругов Батерстов. Кроме меня за столом был Р. Бромли, с которым мы, как обычно, делились впечатлениями о юрских и меловых следах жизнедеятельности беспозвоночных. Пили пиво. Я показывал слайды с рассказом об особенностях полевых работах в Сибири, демонстрацией захоронений раковин и следах жизнедеятельности идеальной сохранности. Р. Бромли демонстрировал картинки семейного путешествия, которое они соединили прошедшим летом с экспедицией сотрудников Института по изучению особенностей осадконакопления по берегам Карибского моря. Его как специалиста по следам жизнедеятельности интересовали разные типы грунтов и особенности состава бентоса беспозвоночных, а также разнообразие водорослей.

Хотя перерывы в моем общении с Батерстами бывали продолжительными (не считая коротких встреч на ланчах в столовой Института), я вспоминаю поход по магазинам с Дианой, супругой Батерста. Поскольку мое пребывание в Дании могло завершиться в конце ноября, возникла необходимость что-то приобрести для семьи. В особенности тяготил выбор платья для супруги. Мы условились встретиться 24 октя-

¹ Middleton G.V. Robin G.C. Bathurst (1920 –) // Encyclopedia of Sediments and Sedimentary Rocks. Encyclopedia of Earth Sciences Series: Sedimentologists. Dordrecht: Springer, 1978. P. 639 – 640. — *Прим. И.М.*

бря. С утра я замешкался с завтраком и немного задержался, Диана ждала меня в вестибюле Университета. Мы пошли выбирать вечернее платье. День выдался великолепный. Светило солнце, было тихо и тепло. Свитер и куртка оказались вполне подходящей одеждой, хотя можно было прогуляться даже в свитере. Короче, мне казалось, что с помощью Дианы выбрать вечерний наряд будет относительно легко. Руководствуясь советским опытом, я полагал, что легче всего выбрать одно платье из двух. Спустя час, проведённый в магазине, стало понятно, что выбор может быть только из очень многих! Позже я потерял счёт. Казалось, что он измеряется сотнями. Через два с половиной часа я был согласен с любым выбором Дианы. Я так устал от этой процедуры, что заболела голова. Только в полдень мы вышли с покупкой из торгового центра и направились в Новую Гавань на квартиру к Батерстам. Там пили кофе с сэндвичами и ели фрукты. Полегчало!

В тот же день мне удалось посетить семинар институтских седиментологов, который продолжался практически весь день. Поскольку такие многоплановые обсуждения сопровождалась среди специалистов спорными моментами, то предполагалась и психологическая разгрузка в виде традиционного вечернего «party», которое стартовало в 18.00. Так что приобретённое мною в посольском кооперативе вино было как раз кстати. Хорошо помню, что согласие споривших сторон сопровождалось песнями, исполнявшимися хотя и не очень слаженно, но с большим подъёмом. В общем, вечер удался.

Днем позже мы встретились с Р. Батерстом и Ф. Фюрзихом для обмена мнениями об адаптациях современных донных беспозвоночных к придонным грунтам в сравнении с мезозойскими ситуациями, как они реконструируются палеонтологами. Нам с Францем было важно мнение Робина — знатока современных типов грунтов и их свойств, притягательных для обитания донных моллюсков.

Внимательно просматривая записи в дневнике, я обнаружил, что время моего препровождения с Р. Батерстом перед отъездом из Дании было ограничено двумя днями: 27 и 28 ноября. Притом предпоследнюю встречу нельзя было назвать беседой, поскольку она состоялась в Институте в процессе моего монтажа фототаблиц совместно с Ф. Фюрзихом. Тут неожиданно появился Робин и заинтересовался моим «творчеством». Здесь нет смысла пересказывать изложенные мною сведения о задачах и целях моего визита в Данию и о предстоящей в декабре работе с присланной из Норвегии коллекцией бухий с о. Андо (Лофотенские острова).

28 ноября погода стояла скверная: весь день шел дождь, и было пасмурно. С утра и до ланча сидели с Сурликом в музее и переводили опи-

сание последних двух видов бухий: *sublaevis* и *crassicollis*. После ланча выбрал подходящие для фото 12 экземпляров бухий из коллекции с Лофотенских остров. Передал образцы Яну (фотограф), который принял образцы с неохотой и не обещал сделать фото вовремя. Однако бутылку «Негру де Пуркар» взял с удовольствием. Понятно, что это разные вещи.

Спустя некоторое время в музее появился Робин, с которым я пошел на квартиру Батерстов. Время подходило к вечеру, и на улице по-прежнему шел мелкий дождь. Ужинали на итальянский манер: зеленая лапша с фаршем, овощной салат с изюмом + капуста + томаты, пили «Негру де Пуркар», ели фрукты и сыры. После ужина посмотрели балет в театре.

30 ноября состоялась последнее свидание с Батерстами в Институте. Подарил Робину бутылку грузинского коньяка и бутылку «Гурджаани» Диане. Оба были признательны. Поскольку прошедшая ночь оказалась для меня тяжелой из-за конфликта Фреда с туалетом (см. очерк Фред Рёгл), то наша последняя беседа не была содержательной.

На этом общение с Батерстами закончилось. Наши встречи, как правило, ограничивались ланчами и ужинами в их квартире по приглашению. Темы бесед были связаны с бытом и общими вопросами сосуществования разных систем. Такие быстро исчерпываются. Р. Батерст приглашал как-то на его лекцию и семинар. Не помню причину отказа. Скорее из-за слабого владения английским.

3 ноября 2022 г.

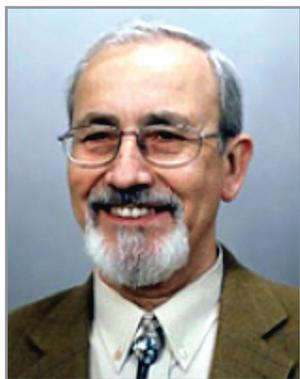

Фред Рёгл (Fred Rögl) (р. 1936 г.)

*Музей естественной истории, Вена (Австрия).
Микропалеонтолог*

В воскресный день 25 ноября моя «холостяцкая» жизнь оборвалась: вечером в соседней комнате поселился новый жилец Фред Рёгл — микропалеонтолог, прибывший из Вены. По обычаю для более тесного знакомства приняли водки и пива, что, по-видимому, стимулировало

нашу беседу допоздна. Фред — мой ровесник, родился в сентябре 1936 г. Родители — рабочие. Женится поздно. В семье две дочери: Мария (6 лет) и Вера (8 лет). Месячный заработок Фреда составляет \$ 900.00 (жена не работает). За детей семья получает ежемесячно 1200 шиллингов. Почти пять лет назад он приобрел участок «на холмах» и приступил к строительству дома. Однако из-за постоянного роста цен на материалы и оплату строителям работы приходится периодически останавливать. Короче, он всем этим морально тяготился.

Фред Рёгл

Ф. Рёгл сразу же предложил готовить (нехитрые) завтраки, но, главное, натуральный кофе (растворимый не признаёт). Последнее желание было решающим аргументом в пользу столь приятного «сожительства». Поскольку большую часть времени мы проводили в разных местах совместное пребывание в квартире по ночам нас не слишком тяготило. Вечерами мы нередко совершали прогулки по центру Копенгагена, завершая их заходом в магазин для пополнения домашнего холодильника.

Всё же с его прибытием мы вечерами стали чаще посещать культурные учреждения: театры и музеи. Из наиболее ярких визитов запомнился цирк — в субботу 1 декабря. Датский цирк (то, что мы там видели) совершенно отличен от нашего. Зрелище необычное. «Грандиозное» шоу именовалось «Триумф смерти». Это драматическая постановка языком современного балета. Несколько сцен показывают картину смерти после атомного взрыва различных групп людей: молодых, стариков, заключённых, их стражников, прихожан. Сюжеты весьма драматические, а чаще трагические. Основную нагрузку, как и в классическом балете, несли два танцора: девушка и молодой мужчина. Остальные около 20 персон эпизодически вихрем пронеслись по сцене и неожиданно исчезали в «туманной» дымке (имитация смерча). Финальная сцена — танец обнажённых девушек — завершался приходом «смерти» (фигура в чёрном) и гибелью всех персонажей — парней и девушек (падением их в преисподнюю). Спектакль приняли хорошо, хотя зал и не был полным. Возвратились мы поездом около 23.00. Ужинали беконом с яичницей (по рецепту Фреда) + пиво.

Исследования Ф. Рёгла связаны с Музеем естественной истории в Вене и с другими местами. В Копенгагене он намеревался обсудить научные проблемы с коллегой Хансоном (микрорепалеонтолог по верх-

немеловым и палеогеновым фораминиферам). Кстати, 5 декабря мы с Фредом пригласили Хансона и Э. Хакансона (геолог, работающий по Гренландии) к себе в гости. Пришёл только Хансон и то ненадолго. Пил с нами водку понемногу. Беседовали о положении учёных в разных странах. Спустя час непринуждённых разговоров Фред вдруг заявил, что, если бы имелась безвизовая свобода передвижений, то он предпочёл бы жить в СССР. Трудности назвал такие: «чистые» науки не слишком поддерживаются государством и не очень престижны, а жизнь дорогая, приходится ограничиваться. Теневые стороны социализма ему хорошо известны, поскольку он живёт в 50 км от границы с Чехословакией. Говорит, что при переезде через границу с Венгрией, на территории которой ему приходится работать, его встречают обычно недружелюбно. Вечером смотрели балет в Королевском театре.

Последние дни перед отъездом (с 6 до 9 декабря), как водится, были насыщены завершением работ по подготовке статей для публикации (по норвежскому острову Андо, Земле Пири, монтаж и объяснение фототаблиц с бухиями по Восточной Гренландии), обсуждению с Е.Л. Моторовым записки в МИД по будущему сотрудничеству с датчанами и пр. По этим причинам с Фредом мы контактировали только по вечерам.

6 декабря принимали его коллегу Хансона с дочерью и двумя её подругами. Посиделки ограничились чаем и кофе с кондитерскими изделиями. Девушки (как и многие из них) оказались очень разговорчивыми и любознательными. Мне пришлось раскрыть перед ними некоторые «семейные секреты»: показом с помощью слайдов своего сына (примерно их возраста) и пятилетней дочки. К счастью, Хансон их вскоре увёл, а перед расставанием пригласил нас с Фредом в субботу в клуб-ресторан, где он играет в любительском джаз-оркестре.

В пятницу хлопоты снова касались «чистки» рукописей. Лишь время ланча мы провели с Фредом, хотя с нами отобедал Ф. Фюрзих, с которым, конечно, не обошлось без обсуждения систематики двустворок. В 15.30 звонил в Новосибирск с оповещением семьи о прибытии в Москву 11 декабря. С 17.00 по 18.00 был в советском Посольстве, где беседовал с Толей Красновым касательно организации выезда в аэропорт. После ужина гуляли с Фредом в центре. На улице заметно похолодало до +5 °С. Субботу 8 декабря можно назвать прощальным днем, в течение которого мы с Фредом не расставались с раннего утра до позднего вечера. Опишу события этого дня досконально. Возможно, будут интересны детали.

После раннего завтрака мы сразу же отправились в магазин на улице Фредериксгаде, купили у ювелира для моей супруги колье, кольцо и

браслет из серебра с ониксом (чёрный камень за 694 датские кроны). Затем искали подешевле пуховое одеяло для дочки. Купили за 635 немецких марок в магазине на продолжении улицы. Вернулись обратно в поисках сумки. Кожаные очень дорогие, а из пластика не было желания брать. Так ни с чем и ушли, запасшись сыром, хлебом и овощами на обед и ужин. После обеда поехали электричкой в замок. Нам не повезло. Замок был закрыт, а на улице из-за резкого похолодания образовался туман. Окрестности почти не просматривались. Час спустя туман рассеялся, но стало темно. Возвращались обратно тоже электричкой. Ближе к вечеру впервые в Дании я увидел тонкий ледок на воде прудов и каналов. Но утки здесь плавают совершенно спокойно, не заботясь о завтрашнем дне.

Вечер провели в клубе-ресторане, вблизи от улицы Строгет, куда пришли по приглашению Хансона. В пабе играл любительский джаз-оркестр. По моему мнению, джазовое исполнение было на очень высоком уровне. Руководитель оркестра Хансен (напоминаю, что он микропалеонтолог, доктор наук и член Королевской академии наук Дании). Играет на флейте и саксофоне. Другой палеонтолог, Кристиансен (специалист по верхнемеловым гастроподам) исполняет партию на электро-мандолине. Среди оркестрантов — юрист и учитель. Профессионалов только трое из 10. Три небольших зала к 22.00 были заполнены (около 150 человек). Пьют только пиво, коку, соки и воду и только немногие — вино. Видел, как ребята (группа из 6 человек) принесли небольшую бутылку джина. Ведут себя непринуждённо, танцуют в проходе, безбожно курят трубки и режут сигареты. Становится понятным землисто-серый цвет лиц у молодёжи на улицах Копенгагена, поскольку солнца почти нет. Если же ещё весь день сидеть в комнате, то его совсем не получишь. Добавочное отрицательное влияние на цвет кожи оказывает двух-трёхчасовое пребывание вечером в замкнутом прокуренном помещении. У меня до сих пор в голове нет ясности. Скорее всего, не от поллитровой бутылки пива, а от дыма, которым приходилось дышать и некурящим.

На следующий день, в воскресенье 9 ноября, оторвались от кроватей с существенной задержкой. Но сразу после завтрака, уже в 10.20 вошли в здание Государственного музея искусств. Здесь разрешалось фотографирование картин. Жаль, что плёнка у меня было черно-белой, а освещение — не слишком ярким. Поэтому моё повествование обойдется без «документов». До 12.00 мы смотрели картины и скульптуры старых датских, итальянских и некоторых немецких мастеров. Постимпрессионизм был представлен, главным образом, картинами А. Матисса, немного А. Модильяни, П. Пикассо.

Вторая половина дня была посвящена приготовлению обеда, стирке и уборке квартиры. Обязанности наши давно уже были обозначены, поэтому каждый занимался своим делом. Это был наш последний совместно проведенный вечер.

Ричард Гренвилл Бромли
(Richard Granville Bromley)
(31 июля 1939 г. — 24 марта 2018 г.)

*Геологический институт Университета Копенгагена,
Национальный музей, Дания.
Палеонтолог*

Мои воспоминания основаны на встречах с коллегами, а стало быть, с описанием их образов как учёных и участников разного ранга в решении возложенного на меня задания: разработать таксономию семейства Buchiidae и предложить шкалу из бухиазон для верхней юры и основания мела Восточной Гренландии. Я завершил описание портретов коллег, наиболее приближённых к моим научным и бытовым проблемам. Остались те, с которыми я встречался эпизодически, обычно для решения частных задач. К таковым принадлежал Р. Бромли — специалист по следам жизнедеятельности.

К его помощи мы с Ф. Сурликом обычно обращались для уточнения грамматики при переводах нашей «англоязычной» версии на классический английский. Наиболее тесные отношения с Р. Бромли наметились лишь в ноябре.

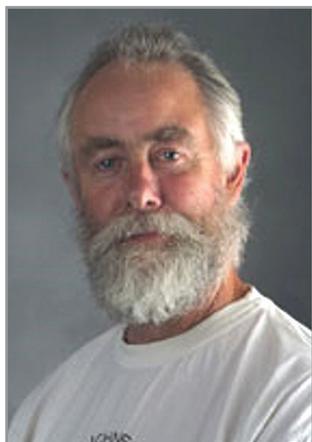
Впервые я встретил его на ланче в институтской столовой 8 октября, то есть через неделю после прибытия в Копенгаген. За столом мы сидели вместе с Ф. Фюрзихом и Р. Батерстом. Поскольку основное время занимал приём пищи, то связной беседы не было. Помню, что больше общались между собой Р. Бромли и Р. Батерст. После обеда мы вышли прогуляться по ботаническому саду Университета, и только здесь я обратил внимание на их быстрый разговор. Вероятно, именно это стало поводом спросить у Р. Бромли, как он так легко говорит на английском с англичанином Р. Батерстом. Тут собеседники громко рас-

смеялись и чуть ли не одновременно заявили, что они оба англичане. Так я узнал, что Р. Бромли — чистокровный англичанин.

Позже выяснилось, что он женат на датчанке, поэтому живёт и работает в Дании. Я рано обратил внимание на то, что к Ричарду, как бы выразиться поточнее, у всех коллег приветливое отношение. Сначала я связал столь дружеское внимание с тем, что специалисты по разным направлениям изучения геологических объектов часто обращаются к нему за помощью по редактированию написанных на английском рукописях, посылавшихся в англоязычные журналы. Но особое расположение датчан, по-видимому, было связано с взаимной нежной привязанностью семейной пары,

а также с учётом того, что у супруги Ричарда, Улле, была полностью ампутирована кисть руки. Выяснилось, что их тесная связь имела глубокие временные корни. Так, по воспоминаниям университетских друзей во время учёбы в университете Ричард и Улла не реже двух раз в неделю посещали студенческий офис Rhodes Group¹, чтобы поболтать за чашечкой кофе. В основном говорила Улла, а Ричард слушал. Он был тихим и мягким человеком, никогда не повышал голос и ни на кого не злился.

С просьбами к Р. Бромли для уточнения перевода на английский фрагментов нашего текста мы с Ф. Фюрзихом стали обращаться лишь в ноябре, когда приступили к изложению основного текста рукописи по бухиям. Когда я покинул Данию, мне не довелось активно общаться с Ричардом. Лишь однажды в 1999 г. я обратился к нему с просьбой проверить законность установленного мною в 1972 г. в основании меловой системы Северной Сибири ихнорода *Arctichnus*. По мнению Р. Бромли, выделенный мною ихнород скорее всего является младшим синонимом ихнорода *Rosselia*. Позже я получил от Ричарда несколько его публикаций последних лет.

*Ричард Г. Бромли.
1979 г.*

¹ Благотворительная медицинская организация. — *Прим. И.М.*